

В изгнании

Автор:

Феликс Юсупов

В изгнании

Феликс Феликсович Юсупов

Портреты с натуры

13 апреля 1919 года, стоявшие на палубе британского крейсера «Мальборо» эмигранты смотрели на таявший в дымке берег Крыма – последний кусочек родины, которую им пришлось покинуть. Их сердца сжимала тревога, все они думали об одном: придет ли когда-нибудь час возвращения?.. Каждый из уезжавших старался взглянуть в последний раз на что-то дорогое, то, чего он, может быть, больше не увидит никогда. Каждый понимал, что изгнание станет серьезным испытанием для него, но действительность оказалась беспощадней самых худших опасений. И всё же сила воли и решимость помогли пережить и эти невзгоды и идти вперед, невзирая на все беды и не оглядываясь на прошлое.

Рассказ князя Феликса Юсупова о новом периоде его жизни «в изгнании» ждет вас в этой книге.

«По вечерам я часто выхожу на балкон своего маленького дома и в тишине деревни Отей, в звуках, доносящихся из Парижа, я слышу эхо всего моего прошлого. Вернусь ли я когда-нибудь в Россию? Мечтать никто не запрещает. Достигнув возраста, когда нельзя больше рассчитывать на будущее, не будучи безумцем, я всё еще мечтаю о времени, которое для меня может быть никогда не наступит – о времени, которое будет называться: “После изгнания”».

Князь Феликс Юсупов

Феликс Юсупов

В изгнании

© Перевод с французского, О.В. Эдельман

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО Издательский Дом «СОЮЗ»

* * *

Моей жене

Глава I. 1919 год

На борту крейсера «Мальборо». – Сердечный прием на Мальте. – Всеобщая забастовка в Сиракузах. – Париж. – Я встречаюсь с великим князем Дмитрием в Лондоне и возвращаюсь в свою квартиру. – 14 июля 1919 года в Париже. – Бал у Эмильены д'Алансон. – Вилландри. – Краткое пребывание в стране басков. – Возвращение в Лондон. – Надежды и разочарования. – Организация помощи беженцам. – Королева Александра и императрица Мария. – Кража наших бриллиантов

13 апреля 1919 года стоявшие на палубе британского крейсера «Мальборо» эмигранты смотрели на таявший в дымке берег Крыма – последний кусочек родины, которую им пришлось покинуть. Их сердца сжимала тревога, все они думали об одном: придет ли когда-нибудь час возвращения?.. Луч солнца, пронзив туман, осветил на мгновение берег, белые стены домов, сады... Каждый

из уезжавших старался взглянуть в последний раз на что-то дорогое для него, то, чего он, может быть, больше не увидит никогда. Еще различные контуры гор все больше заволакивались дымкой. Вскоре берег окончательно скрылся за горизонтом, и вокруг не осталось ничего, кроме пустынного морского простора.

На борту нашего крейсера царило неопишное столпотворение. Почтенные пожилые пассажиры занимали предоставленные им каюты. Тем, кто помоложе, пришлось устраиваться на диванах, в гамаках или просто там, где повезет. Спали повсюду, иногда прямо на палубе.

Но в конечном счете все так или иначе разместились, и жизнь на борту быстро наладилась. Важное место в ней занимал процесс вкушения пищи. Привыкшие за многие месяцы к суровому аскетизму, мы вдруг осознали, что очень голодны. Никогда еще английская кухня не казалась нам такой восхитительной, никогда мы так не смаковали белый хлеб, вкус которого уже позабыли! Три перемены блюд, предлагавшиеся эмигрантам, не могли утолить нашу ненасытную потребность в еде. Даже между трапезами мы не переставали есть. Капитана «Мальборо» несколько беспокоила такая прожорливость пассажиров, грозившая уничтожить за несколько дней провиант, рассчитанный на много недель.

Мы рано вставали, чтобы присутствовать на церемонии поднятия флагов, во время которой оркестр на борту играл английский и русский гимны. Затем все спешили в кают-компанию, где нас ждал обильный завтрак. После этого мы возвращались на палубу, уже с нетерпением ожидая гонга, призывающего на второй завтрак. Три часа, отделявшие нас от обеда, проходили в визитах из каюты в каюту и в разных играх.

В первый же вечер наша группа молодежи собралась в одном из корабельных коридоров, между сундуками и чемоданами, служившими нам сиденьями. По просьбе друзей я взял гитару и запел цыганские песни. Вдруг дверь одной из кают распахнулась, и мы увидели вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Она сделала мне знак продолжать и, присев на сундук, молча дослушала песню. Взглянув на нее, я увидел, что глаза ее были полны слез.

Босфор предстал перед нами во всем своем великолепии под голубым небом и яркими лучами солнца, а в то же время позади нас, словно темный занавес, закрывавший наше прошлое, громоздились на горизонте тяжелые гроззовые тучи.

На подходе к Принцевым островам нас взял под охрану конвой крейсера, перевозивший из Крыма наших друзей и соотечественников, таких же, как и мы, эмигрантов. Когда корабли конвоя обгоняли нас, их пассажиры, зная, что на борту «Мальборо» находится вдовствующая императрица, опустились на колени на палубе и запели «Боже царя храни».

Во время продолжительной стоянки в порту Константинополя мы сошли на берег и посетили собор Святой Софии.

На стоянке у Принцевых островов великий князь Николай и его семья покинули нас, чтобы пересесть на линкор «Лорд Нельсон», направлявшийся в Геную. А «Мальборо» продолжил путь к Мальте, где беженцев из Крыма ожидало жилье, приготовленное заботами британских властей.

Прежде чем сойти на Мальте, мы с сердечной благодарностью распрощались с капитаном и офицерами «Мальборо». Вдовствующая императрица, ее дочь, великая княгиня Ксения, и мои шурины временно расположились в Сан-Антонио, в летней резиденции губернатора, которую он предоставил в распоряжение Ее Величества. Это было восхитительное место. Вокруг дворца на горных террасах росли обширные апельсиновые и лимонные рощи. Мы же вместе с моими родителями остановились в отеле. Только теперь мы осознали, что нашей жизни больше ничто не угрожало. Радость бытия, возродившаяся в нас вместе с этим чувством безопасности, заставила меня и шурина Федора пуститься в тот же вечер в турне по всем увеселительным заведениям города. Все приветствовали пассажиров крейсера «Мальборо» и устраивали в их честь празднества. Разгулявшиеся английские и американские моряки водили нас из бара в бар, горланя песни и непременно желая нас напоить. Через несколько часов подобного турне мы сочли благоразумным потихоньку удалиться, пока еще были в состоянии это сделать.

Дней через десять линкор «Лорд Нельсон», сделав рейс в Геную, зашел на Мальту, чтобы забрать вдовствующую императрицу и доставить ее в Англию. Государыня отплыла вместе с дочерью и тремя внуками. В Лондоне она устроилась в Мальборо-хаус у сестры, королевы Александры, тогда как великая княгиня и мои шурины стали гостями короля Георга V в Букингеме.

Мы тоже не собирались оставаться на Мальте. Оставив дочь у моих родителей, которые намеревались в ближайшее время обосноваться в Риме, мы с женой и

шуринами Федором и Никитой отправились через Италию в Париж.

Отплыв с Мальты 30 апреля, на следующий день, 1 мая, мы оказались на Сицилии в Сиракузах в разгар всеобщей забастовки и коммунистических манифестаций и смотрели на шествия, красные флаги, надписи на стенах: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Троцкий!» и прочее. Это грубое напоминание о людях и событиях, из-за которых мы оказались в нынешнем положении, сильно омрачило наше настроение.

Мы долго ждали поезд, на котором нам предстояло уехать из Сицилии. Наконец состав был сформирован, и мы тронулись в путь. Мессинский пролив мы переплыли на пароме и без приключений прибыли в Рим.

Тут обнаружилось, что у нас совсем нет денег. Все наши фамильные драгоценности остались в России. Сохранились лишь те, что успели взять с собой моя мать и Ирина. Пришлось заложить бриллиантовое кольцо Ирины, и на вырученные за него деньги мы продолжили наше путешествие.

Новость о нашем приезде в Париж быстро распространилась, и отель «Вандом» был вскоре осажден толпой наших друзей; все спешили выразить нам свое сочувствие и выслушать рассказы о наших злоключениях. То и дело звонил телефон, непрерывным потоком шли друзья и знакомые, у нас не было ни минуты передышки. Ювелир Шоме принес нам небольшой мешочек с бриллиантами, оставшимися у него с тех самых пор, когда он по моей просьбе переделывал несколько старинных украшений моей жены. Мы были приятно удивлены счастливым обретением этих камней, о которых совершенно забыли. Находка нашего автомобиля, дремавшего пять лет в глубине гаража, была столь же приятной и неожиданной. Она существенно облегчала наши постоянные перемещения между Францией, Англией и Италией, ибо в таком рассеянии оказалась наша семья.

Мы все еще не решили, где обосноваться. На первое время Ирина отправилась с отцом в Биарриц, я же поехал в Лондон, чтобы разобраться со своей квартирой, съемщиком которой продолжал являться все это время, но в свою очередь сдал ее внаем на время войны.

Временно я остановился в «Ритце». Вечером в день моего приезда, чтобы заглушить одиночество и тоску, я взял гитару и запел. Почти сразу же я

услышал стук в дверь. Подумал, что кому-то мешает мое пение, и перестал играть. Тем не менее стук повторился. Я поднялся, повернул ключ, открыл дверь... и оказался нос к носу с великим князем Дмитрием. Я не видел его после дела с Распутиным, с тех пор как мы оба находились под домашним арестом в его дворце в Петербурге, и с нас не спускали глаз. Он не знал, что я в Лондоне, и я тоже ничего не знал о нем; но тут он услышал мой голос и постучал ко мне. Мы были так рады встрече, что не могли расстаться и болтали до рассвета.

Мы не расставались и в последующие несколько дней. Но вскоре я заметил некоторые перемены в поведении Дмитрия, вернее, перемены в его окружении. Среди изгнанников существовала монархическая партия, твердо верившая в возможность скорого возвращения в Россию и реставрацию монархии. Некоторые члены этой партии, стремясь сохранить свое влияние на того, в ком они видели будущего императора, старались удалить от него всех, кто мог ослабить их позиции. Я стал одной из первых мишеней их скрытых атак и неожиданно для себя обнаружил, что оказался чуть ли не в центре дворцовых интриг, которых всегда с ужасом избегал. По счастью, моя квартира вскоре освободилась. Я поспешил оставить отель и поселился в своем жилище.

Через какое-то время Дмитрий пришел навестить меня. Он признался, что его охлаждение по отношению ко мне, вызвано тем, что меня оговорили интриганы из его окружения. Дмитрий вполне отдавал себе отчет, что эти люди преследовали лишь свои корыстные цели. Сам он, напротив, не верил в возможность реставрации монархии. Он просил меня не покидать его и даже предложил, чтобы мы поселились вместе в окрестностях Лондона. Пришлось объяснить ему, что сейчас не самый подходящий момент для этого. Я считал своей важнейшей задачей оказание помощи русским беженцам, которых с каждым днем становилось все больше. Впоследствии я спрашивал себя, не ошибся ли я, отказавшись от предложения Дмитрия? Без поддержки надежных друзей он нередко становился жертвой компрометировавших его интриганов.

Я был несказанно рад вновь оказаться в своей маленькой квартире в Найтсбридже, единственном месте в мире, где я мог еще хоть немного чувствовать себя как дома. Эта квартира пробуждала у меня добрые воспоминания о нашем доме в России, добрые и грустные, ибо за годы войны сильно поредел круг друзей моей юности.

С большим удовольствием увидел я вновь короля Мануэля Португальского, герцогиню Ратленд и ее прелестных дочерей, миссис Уильямс, Эрика Гамильтона

и Джека Гордона – старых оксфордских друзей.

В Лондоне я пробыл еще пару недель и привел в порядок квартиру, чтобы мы могли там поселиться. Покончив с этим, я поехал в Париж и провел там несколько дней, чтобы потом отправиться к Ирине в Биарриц.

14-го июля Париж весело праздновал День взятия Бастилии. Ликующая, шумная толпа заполняла улицы, так что ни пройти ни проехать. Люди смеялись, обнимались, что-то кричали. Ходили с флагами, несли плакаты с патриотическими лозунгами и пели «Марсельезу». Эта песня, связанная в моей памяти с революцией и самыми ужасными картинами недавних лет, пробуждала мучительные воспоминания. Я с горечью думал, что после всех принесенных жертв и неизменной верности царя взятым на себя обязательствам Россия была брошена союзниками и лишилась плодов победы. Ситуация и болезненная, и парадоксальная: русский флаг не висел на Триумфальной арке, а национальный французский гимн сопровождал худшие из зверств, совершавшихся в России во имя Свободы!

В Париже я нашел старинных знакомых, а среди них – прекрасную Эмильену д'Алансон, актрису и танцовщицу, которую несколько лет назад я потерял из виду. Она радостно встретила меня и устроила в мою честь костюмированный бал. Я появился на нем в восточном халате из черного атласа и в тюрбане, шитом золотом. Весь парижский полусвет щеголял на этом балу в пышных туалетах; там царила атмосфера веселья и беспечности, впрочем, как и во всем послевоенном Париже.

В тот вечер я узнал, что какой-то голландский художник, гений, по словам моих знакомых, написал, даже не зная меня, мой портрет. Многие хвалили портрет за удивительное сходство со мной. Мне стало любопытно, и я отправился к живописцу. С первых же минут этот человек произвел на меня неприятное впечатление. Что касается портрета, то он был ужасным. Нет, бледное лицо на фоне грозового неба, озаренного вспышками молний, не было лишено сходства со мной. Но в нем было нечто сатанинское. Осмотревшись в мастерской, я заметил с изумлением, смешанным с тревогой, что ручки всех кистей были изгрызены. И, несомненно, зубами живописца. Это усугубило мое тягостное впечатление от портрета и его автора. Голландец поставил меня рядом с полотном. Его пронзительные глаза перебежали с портрета на оригинал. Затем, явно довольный сравнением, он подарил мне эту мерзость.

Спустя некоторое время, вдохновленный фотографией в каком-то иллюстрированном журнале, он написал другой мой портрет, в восточном костюме, в котором я был на балу у Эмильены д'Алансон, и также предложил его мне. Когда появился третий портрет – на этот раз конный, – я написал ему, извинился и попросил избирать впредь другие модели.

В Биарриц мы с Федором отправились на машине, а по дороге решили осмотреть замки на Луаре. Особенно мне запомнилась одна наша импровизированная экскурсия – как по своему неожиданному характеру, так и по удовольствию, которое она мне доставила.

Гуляя вечером по улочкам Тура, где мы собирались провести ночь, я прямо-таки застыл перед репродукцией мужского портрета работы Веласкеса, выставленной в витрине книжного магазина. Охваченный неодолимым желанием увидеть оригинал, я расспросил книготорговца и узнал, что портрет принадлежал испанцу Леону Карвальо, владельцу замка Вилландри, расположенному в нескольких километрах от Тура. Я тотчас решил заехать туда на следующий день. К сожалению, поскольку мы должны были отправиться в дорогу рано утром, часы, когда замок был открыт для посещения, не совпадали с нашим графиком. Тем не менее я решил попробовать.

Было около семи часов утра, когда мы остановились у ворот замка Вилландри. Удивленный визитом в столь неурочный час, привратник спросил, есть ли у нас приглашение посетить замок, и, получив отрицательный ответ, отказался впустить нас. Но я проявил настойчивость, и он отправился искать управляющего. Тот оказался более покладистым и провел нас в картинную галерею, где я смог вдоволь полюбоваться портретом, ради которого приехал сюда. Вскоре в зал вошел и сам хозяин замка в просторном домашнем халате из красного бархата.

– Господа, я счастлив удовлетворить ваше любопытство, – сказал он, – но, поверьте, вы выбрали странное время для посещения.

Я представился и извинился за нашу бестактность.

– Я был не слишком любезен, – ответил хозяин, – о чем теперь сожалею, поскольку я рад познакомиться с вами.

Месье Карвальо любезно провел нас по всему замку Вилландри, который прежде был обезображен переделками, но теперь вновь обрел свой изначальный облик.

Но больше всего нас поразили сады, окружавшие замок. С высокой террасы мы восхищались их удивительным порядком и оригинальностью. Шпалеры, увитые виноградной лозой, стояли вдоль рвов с водой и вокруг грядок с пряными травами и овощами, расположенных на французский манер амфитеатром. Перед домом был разбит настоящий андалузский сад, напоминавший хозяину его родную Испанию, с розарием и самшитовой рощицей.

Когда мы прощались, месье Карвальо подарил мне на добрую память репродукцию с портрета, который привел меня к нему. Теплота оказанного нам приема рассеяла все сожаления о нашей неловкости.

В тот же вечер мы приехали в Биарриц. Страна басков, которую я видел впервые, сразу покорила меня. Но все же я не был намерен задерживаться там. Мне хотелось поскорее отвезти Ирину в Лондон, где мы решили поселиться. Во время этого краткого пребывания в Биаррице мы съездили в Сан-Себастьян – посмотреть на бой быков. Это зрелище, новое для меня, показалось мне одновременно и ужасным, и великолепным.

Несколько дней спустя мы уже были в Лондоне, в нашей квартире в Найтсбридже. Здесь мы узнали, что великая княгиня Ксения покинула Букингемский дворец и устроилась с детьми в особняке в Кенсингтоне.

* * *

В России к концу этого, 1919-го, года генерал Деникин, тесня большевиков, продвигался к Москве, а генерал Юденич наступал на Петербург. Увы, надежды, порожденные этими успехами белых армий, вскоре рухнули: генерал Юденич, достигший уже пригородов северной столицы, был разбит и в ноябре потерпел окончательное поражение. Со своей стороны, генерал Деникин был близок к соединению с Сибирской армией адмирала Колчака. Несколько кавалеристов деникинской армии, посланные в разведку, даже встретились с дозорными армии Колчака. Но когда связь двух армий, казалось, была почти установлена, большевики сумели этому помешать.

Ввиду весьма неопределенного будущего вставала насущная задача: спасти наших соотечественников-беженцев. По приезде в Лондон я установил отношения с графом Павлом Игнатьевым, президентом русского Красного Креста. Прежде всего надо было организовать собственные мастерские, чтобы дать работу беженцам, и поставлять Белой армии белье и теплую одежду. Любезная англичанка, миссис Лок, предоставила нам помещение на Белгрейв-сквер. А еще я заручился поддержкой графини Карловой, вдовы герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого. Эта почтенная женщина, энергичная и умная, любезная и уважаемая всей русской колонией, сразу же согласилась возглавить наше предприятие. Нам помогали также оба моих шурина, Федор и Никита, и многие из наших английских друзей.

Наша деятельность вскоре расширилась – дом на Белгрейв-сквер не замедлил стать центром, куда обращались все эмигранты. И не только те, кто искал работу, но и другие, с проблемами более сложными, чем поиски средств пропитания. Но если наша деятельность расширялась, то средства оставались ограниченными, и резервы таяли, как снег на солнце. Я совершил турне по большим промышленным центрам Англии. Повсюду я встречал не только сочувствие, но и эффективную поддержку, так что результат моих поездок превзошел самые оптимистические ожидания. Серия благотворительных вечеров, организованная при поддержке наших английских друзей, также заметно пополнила кассу. Самым большим нашим успехом стала поставленная в Сент-Джеймском театре пьеса Толстого «Живой труп» с Генри Эйнли в главной роли. Этот великий артист не ограничился тем, что сыграл в спектакле, он обратился к публике с трогательным призывом и пригласил своих соотечественников прийти на помощь русским беженцам, их старинным союзникам.

С утра мы отправлялись на Белгрейв-сквер (как мы говорили, «в Белгравию») и проводили там весь день. Пока моя жена руководила работой дам, мы с графиней Карловой, сидя за большим столом, принимали бесконечный поток беженцев, искавших устройства, помощи или совета. Однажды мы даже приняли делегацию английских добровольцев, которые, желая отправиться воевать в рядах Белой армии, просили облегчить их отъезд в Россию – британские власти отказывались это делать.

Однажды среди просителей оказался некий маленький человечек, смешная походка которого сразу привлекла мое внимание. Он был худ, тщедушен и робок, с чудными, неловкими движениями, как у марионетки. Он держал голову

слегка набок и все время улыбался хитрой и немного заискивающей улыбкой. Во всем его облике было что-то комическое и в то же время жалкое, вызывающее в памяти персонажей Диккенса или Достоевского. Он опустился на колени перед графиней Карловой, чтобы поцеловать ее руку, и то же самое проделал передо мною. Присев на краешек стула, который я ему предложил, он рассказал нам свою странную и грустную историю.

Буль – так называл себя этот странный персонаж. В его жилах текла русская, датская и английская кровь. В молодости он женился на девушке, которую любил, но несчастный случай, произошедший после помолвки, сделал этот брак по любви фиктивным: «Если желаете, – скромно прибавил он, – я могу сообщить подробности». Графиня Карлова незаметно толкнула меня ногой, призывая остановить его излияния.

Но я не послушал ее: «Продолжайте, – кивнул я, – подробности меня живо интересуют». Едва наш посетитель, ободренный таким образом, приступил к подробностям, графиня Карлова встала и вышла. В конце концов, Буль поступил к нам на службу и надолго стал своим человеком, роль которого в наших делах никогда точно не определялась.

* * *

Мы часто являлись с визитом в Мальборо-хаус к вдовствующей императрице, все еще жившей у сестры, королевы Александры. Эти датские принцессы-сестры были такими разными. Каждая, казалось, носила в себе черты своей второй родины. Хотя королева была старше и уже в годах, она выглядела моложе своей сестры. Ее лицо без единой морщинки было как у тридцатилетней. Казалось, она обладала секретом красоты и именно ему была обязана своей вечной молодостью.

Рассеянность королевы была источником постоянного огорчения ее сестры, которая олицетворяла собой саму пунктуальность. Всякий раз, как они должны были выйти вместе, императрица, всегда спускавшаяся первой, ждала опаздывавшую сестру, расхаживая по коридору и нетерпеливо размахивая зонтиком. Когда королева наконец появлялась, тут же оказывалось, что она непременно что-нибудь забыла. Пускались искать забытую вещицу, что доводило раздражение императрицы до предела.

Эти мелкие шероховатости ничуть не уменьшали достоинств этих двух великих государынь. Ни в одном из царствующих домов, которые я знал лично, мне не встречалось такого величия, соединенного с милосердием и простотой.

* * *

Каждую субботу мы собирали друзей у нас в Найтсбридже. Гитары и цыганские песни напоминали нам Россию. Попугаиха Мари, жившая у нас в Лондоне, шныряла среди гостей, развлекая их своими необычными повадками. Особенно всех удивляла ее неизменная страсть к русским папиросам; она пожирала их дюжинами и бросала затем жадные взгляды на пустую коробку.

Наши друзья приводили с собой своих друзей, которых привлекала эта гостеприимная и немного богемная атмосфера. Случалось, что многие из наших гостей не были нам знакомы.

Однажды воскресным утром, на следующий день после подобной вечеринки, собираясь с Ириной в церковь, я открыл ящик стола, где хранил свое серебро, и увидел, что мешочек с бриллиантами, возвращенными нам ювелиром Шоме в Париже, исчез. Разговор со слугами ничего не дал. Я велел им поискать пропажу, пока нас не будет. Мешочек так и не нашли. Наша прислуга была вне подозрений, это заставляло признать, что вором был один из вчерашних гостей. Я отправился к начальнику Скотланд-Ярда, сэру Бэзилу Томпсону, и изложил ему дело. Он начал с того, что потребовал перечислить имена всех моих гостей. Это было для меня вдвойне невозможно: во-первых, потому что многие из них были мне неизвестны, во-вторых, потому, что эта процедура казалась мне вообще неприемлемой. Он пообещал тем не менее сделать все, чтобы найти виновного и вернуть бриллианты.

Недели шли, не принося ничего нового, и в конце концов результаты расследования ничего не дали. Что ж, я один был в ответе за это неприятное происшествие, так как по привычке и из принципа ничего не закрывал на ключ. Я действительно полагал, что это было бы несправедливо по отношению к нашим слугам.

Кража наших бриллиантов стала на некоторое время предметом пересудов, но вскоре дело было забыто, и никто больше не говорил о нем.

Глава II. 1920 год

В Риме. – Турне по Италии с Федором. – Герцогиня д'Аоста. – Разочарованная римлянка. – Обед у маркизы Казати с Габриэле д'Аннунцио. – Возвращение в Лондон. – Как я разыграл короля Мануэля и принял его дядю за лакея. – Голубой бал. – Моя операция. – Дивон-ле-Бен. – Снова Италия. – Окончательное поражение Белой армии. – Мы выбираем Париж. – Я нашел вора, но не бриллианты

Во всех своих письмах моя мать настойчиво звала нас к ней в Рим. Наши мастерские в Белгравии работали уже достаточно исправно, и теперь мы могли позволить себе уехать. Мы отправились в Италию вместе с шурином Федором.

В Риме, как и в других местах, многие наши соотечественники оказались в тяжелейшем положении. Мать хотела создать центр помощи, аналогичный нашему лондонскому. Конечно, перед ней вставали те же проблемы, что и перед нами, и главным был вопрос финансов. Средств, которые мы могли собрать в Риме, было явно недостаточно. Нужно было создавать комитеты по сбору пожертвований в других городах Италии и затем пересылать деньги в Рим.

Вместе с Федором мы отправились в турне по городам Италии, где я надеялся встретить хороший прием. Он и оказался таковым почти повсюду, особенно в Катании, жители которой не забыли самоотверженную помощь русских моряков во время ужасного землетрясения 1908 года, разрушившего Мессину.

В Неаполе нас горячо поддержала герцогиня д'Аоста и обещала нам всяческое содействие. Она пригласила нас на обед в Каподимонте, и мы по ее просьбе рассказали о тех страшных событиях в России, свидетелями которых были. Эта сердечная женщина, столь же умная, сколь и красивая, возмущалась слепотой союзных правительств, которые с опасным упорством считали большевизм специфически русским явлением, и не понимали опасность, грозившую всему миру. Мы покинули Каподимонте с рекомендательными письмами герцогини, которые должны были открыть перед нами новые двери и возможности.

Во время этой поездки каждый из нас играл свою роль: моя заключалась в том, чтобы красочно говорить, завоевывать сердца, вызывать сочувствие, а Федор должен был внушать почтение. Высокое положение и величественная осанка моего шурина редко не оказывали желательного впечатления, побуждая к действиям тех, кого недостаточно трогали мои речи.

Мы вернулись в Рим, очень довольные результатами нашей поездки. По нашем возвращении тут же был создан комитет, и он начал действовать под руководством моей матери.

* * *

Однажды в «Гранд Отеле», где я уговорился встретиться с кем-то из знакомых, я заметил двух дам, настойчиво разглядывавших меня с некоторого удаления. Раздраженный этим нескромным вниманием, я сделал вид, что не замечаю их, и уткнулся в газету, но вскоре обнаружил, что они приблизились и теперь с прежним беззастенчивым любопытством стояли в двух шагах от меня. Я даже услышал, как одна сказала другой:

– Действительно, он не так хорош, как я думала.

Я резко обернулся:

– Если я вас разочаровал, мадам, – сказал я, – поверьте, что я весьма огорчен.

Наконец пришел тот, кого я ждал, и положил конец инциденту.

Несколько дней спустя я был приглашен на обед, и одна из тех любопытствующих дам оказалась моей соседкой за столом. Мы искренне посмеялись, вспоминая обстоятельства нашей первой встречи.

Я был еще мало знаком с римским светом, когда однажды утром нашел в своей почте конверт, надпись на котором поразила меня оригинальностью почерка. В конверте было приглашение на обед к маркизе Казати.

Я знал Луизу Казати понаслышке. Ее имя было широко известно в среде эмигрантов, поэтому я тоже не раз слышал о ней, а репутация маркизы, как

особы эксцентричной, не могла не привлечь моего любопытства. И тут представилась возможность удовлетворить его. Надо сказать, что реальность превзошла мои самые смелые ожидания.

В гостиной, куда меня провели, на тигровой шкуре перед камином лежала женщина, как мне показалось, редкой красоты. Легкая ткань обрисовывала тонкое, гибкое тело, у ног женщины спали две борзые, черная и белая. Зачарованный этой картиной, я едва заметил присутствие второго лица – итальянского офицера, пришедшего передо мной.

Хозяйка подняла на меня сияющие глаза, такие огромные, что на ее бледном лице были видны лишь они одни, и плавным, гибким движением королевской кобры протянула мне руку, украшенную кольцами с огромными жемчужинами. Ее рука была прекрасна. Я склонился, чтобы поцеловать ее, уже предвосхищая вечер, обещавший быть не банальным. Чуть позже я узнал имя офицера, которому до сих пор уделял лишь рассеянное внимание: Габриэле д'Аннунцио, человек, с которым я давно мечтал познакомиться!

По правде сказать, его внешность разочаровывала: невзрачный физически, маленький и неуклюжий. В нем, казалось, не было ничего привлекательного. Но это первое впечатление мгновенно рассеивалось, когда он начинал говорить. Я сразу поддался очарованию этого теплого голоса и острого взгляда. Достаточно было услышать его, чтобы понять влияние, какое такой человек мог иметь на толпу. Он был неистощим в любой теме, и хотя говорил то по-французски, то по-итальянски, я не упустил ни слова из того, что он сказал. Совершенно покоренный, я забыл о времени, и вечер пролетел, как сон.

Прощаясь, поэт продемонстрировал мне свою непредсказуемость, неожиданно предложив:

– Я лечу завтра самолетом в Японию, полетите со мной?

Предложение было весьма заманчивым, а властный тон говорил о невозможности отказа. Все же я отказался: меня удерживало слишком много обязательств, которыми я не мог пренебречь.

* * *

Проведя Рождество с семьей, я поспешил вернуться в Лондон, где наш центр в Белгравии требовал моего присутствия. Ирине не хотелось расставаться с нашей дочерью, жившей у моих родителей, и она осталась в Риме еще на некоторое время. Федор тоже.

На перроне вокзала Виктория меня встречал Буль, очень гордый, с букетом в руке, который он с ужимками и подобострастием вручил мне.

Мой секретарь Каталей, бывший конногвардейский офицер, заменявший меня на Белгрейв-сквер во время моей поездки в Риме, отчитался о текущем состоянии дел. Он также сообщил о трениях между нашими служащими, не преминувших возникнуть в мое отсутствие. Это были вечные истории с больным самолюбием, столь же ничтожные, как и бессмысленные. Весь мой следующий день ушел на выслушивание обоюдных жалоб и всяческие утешения.

Разместить наших беженцев становилось с каждым днем все труднее. Представьте, какой вид приобрела вскоре наша квартира из шести комнат, занятая несколькими семьями с детьми и пожитками. Каждый спал там, где мог устроиться, чаще всего на полу. Но что делать? Едва я пристраивал одну семью, как тут же появлялась другая. Это была вечная проблема – устроить неиссякающий поток несчастных. Положение казалось мне просто безвыходным, когда богатый русский промышленник П. Зеленов, сохранивший капиталы за границей, предложил мне купить пополам с ним дом для размещения наших беженцев. Мы взялись за дело, и нам повезло – подвернулся довольно просторный дом с садом в Чизвике, на окраине Лондона.

Я до сих пор вспоминаю негодующее изумление португальского короля при виде беспорядка, царившего в моей переполненной квартире. Окончательно я добил его, пригласив пообедать в ванной комнате.

Король Мануэль не любил богему, не понимал он и шуток. Поэтому я нередко развлекался, разыгрывая его. Однажды, когда он был приглашен ко мне на обед, я вздумал нарядить Буля старой дамой и представил его королю как мою глухонемую родственницу, недавно приехавшую из России. Король невозмутимо выслушал мои объяснения, поклонился «тетушке» и поцеловал ей руку. За обедом мой камердинер, прислуживавший нам, сохранял серьезность с таким же трудом, как и я. Маленькая комедия протекала великолепно, но внезапно Буль, забыв свою роль, поднял бокал с шампанским и воскликнул: «Я пью за здоровье его португальского величества Мануэля!» Король, не любивший такого рода

шутки, счел все это дурным тоном и сердился на меня несколько недель.

Оплошность, на этот раз нечаянная, снова повредила мне, когда король сменил свой гнев на милость. Приглашенный на завтрак в его резиденцию в Туикнеме, я обнаружил по приезду, что сильно опоздал. Поспешно сняв шляпу и скинув плащ, я небрежно бросил их какому-то человеку, оказавшемуся рядом, и поспешно прошел через вестибюль в гостиную. Король Мануэль принял меня довольно прохладно. Пока я бормотал извинения, дверь открылась, и я было обрадовался, что не я последний, когда узнал в вошедшем того, кому так небрежно кинул второпях свою верхнюю одежду. Король подошел к нему с приветствием, потом обернулся ко мне: «Полагаю, ты еще не был представлен моему дяде, герцогу д'Опорто».

Мне хотелось провалиться сквозь землю. Тем не менее, его высочество вовсе не обиделся, что его приняли за лакея. Несомненно, чувство юмора у герцога д'Опорто было более развито, чем у его племянника!

* * *

С некоторых пор у меня появились головные и внутренние боли, сопровождавшиеся ощущением общего изнеможения. Боли все усиливались. Объяснив эти недомогания общим переутомлением и недосыпом, я решил дать себе несколько дней отдыха. Но у русского Красного Креста опять кончились деньги, и меня попросили организовать несколько благотворительных спектаклей и балов. Я собрал комитет из нескольких высоких лиц из лондонского света под попечительством королевы Александры, принцессы Кристины и маршала герцога Коннаутского. Было решено, что большой бал будет устроен в Альберт-Холле в начале лета. Он должен был сопровождаться балетным спектаклем, в котором обещала участвовать Павлова со своей труппой.

Я доверил украшение зала молодому архитектору, который выказал столько вкуса и таланта при устройстве нашей квартиры в Петербурге, Андрею Белобородову, также бежавшему в Лондон. Основным цветом предстоящего бала мы сделали голубой, мой любимый цвет.

Вскоре весь Лондон говорил о «Голубом бале».

Были проданы шесть тысяч входных билетов, на каждом стоял номер, что делало его одновременно и лотерейным билетом.

Для лотереи английские государи предложили альбом об их коронации и «Историю Виндзорского замка» в роскошном издании и переплете, королева Александра – карты в серебряном футляре в форме паланкина, король Мануэль – трость, инкрустированную золотом. Все прочие предметы лотереи, благодаря щедрости множества дарителей, тоже были очень ценными вещами или красивыми украшениями от самых известных ювелиров.

История, каким образом бриллиант в пять каратов в последний момент присоединился к уже выставленным предметам лотереи, заслуживает особого внимания. Владелица этого камня, показывая его однажды нескольким подругам, советовалась с ними о том, как его лучше оправить. Дамы любовались бриллиантом и высказывали мнения об оправе. Зашел разговор и о Голубом бале, срок которого приближался, а секретарь бала как раз находилась среди присутствующих. Владелица алмаза выразила сожаление о том, что не сможет быть на балу, но решила тоже поучаствовать в благом деле и предложила триста ливров за ложу. Наша секретарь, не лишенная ни остроумия, ни решительности, без колебаний сказала, что она бы предпочла бриллиант... и получила его!

Отсюда видно, какими бесценными сотрудниками я был окружен. Леди Эгертон, жена английского посла в Риме, миссис Роскол Браннер и наша верная миссис Уильямс – не говоря о других – никогда не отказывались от работы и никогда не скупились.

Белобородов активно готовил убранство зала. Чтобы не тратить времени на дорогу, он переселился к нам. С наступлением вечера наш архитектор, который был еще и прекрасным музыкантом, садился за пианино, и музыка развлекала нас после дневной работы.

А между тем мои недомогания не прекращались. Однажды они стали просто нестерпимыми. Вызвали врача, и он констатировал приступ аппендицита. Консультант-хирург настаивал на срочной операции.

Я решил, что буду оперироваться дома. Маленькая гостиная рядом с моей спальней была превращена в операционную, и на следующий день я уже был

«на столе». Операция длилась около часа. Оказалось, что у меня был гнойный аппендицит, так что мое положение было весьма серьезным. Четыре дня в мою комнату никого не пускали, кроме врача и двух сиделок, дежуривших возле меня. Тесфе, мой камердинер-абиссинец, отказывался от пищи, пока длился этот запрет. Совсем иной была реакция Буля: когда он узнал о серьезности моего положения, он с ног до головы оделся в черное, чтобы быть готовым к моему погребению, и все время причитал: «Как же мы будем жить без нашего дорогого князюшки!»

Знаки дружеской симпатии, полученные мной в эти дни не только от русской колонии, но и от всех моих английских друзей, глубоко меня трогали. Мне присылали подарки, фрукты и цветы, последние в таком обилии, что моя комната скоро стала похожа на оранжерею. Добрая миссис Уильямс явилась с огромным букетом роз, который с трудом пролезал в дверь; но ничто не тронуло меня так, как букетик незабудок в сопровождении нескольких простых и волнующих слов, принесенный мне Анной Павловой.

Я не считал нужным беспокоить Ирину, находившуюся еще в Риме, и не сообщил ей об операции. Известил ее только спустя неделю, когда был уже вне опасности. Она приехала через несколько дней вместе с Федором.

Вопреки всем предсказаниям, моя болезнь способствовала успеху Голубого бала. Многие, зная, как близко я принимаю к сердцу его устройство, проявили еще большую щедрость. Я получил множество чеков, один из них прислал знаменитый миллиардер, сэр Бэзил Захарофф. Это стало результатом встречи с ним, которая произошла незадолго до моей болезни. Я долго говорил с этим непростым человеком, рассказал ему о великой нужде моих соотечественников-беженцев. Его чек на сто ливров сопровождался письмом, где он объяснял, что в результате инфляции, эти сто ливров в настоящее время стоят двести семьдесят пять, иными словами, гораздо больше.

Замечание показалось мне нелепым и по меньшей мере неуместным, и я не удержался и прибавил к отправленной ему благодарности предложение перевести эту сумму в кассе для беженцев не в ливры, а в рубли, что, по существующему обменному курсу, довело бы его пожертвование до миллиона рублей.

Между тем приближался день Голубого бала. Я пока еще был крайне слаб, врачи не разрешали мне вставать, но ничто не могло остановить меня. Я слишком

много вложил в устройство этого бала и хотел присутствовать на нем и насладиться успехом, в котором я не сомневался. Беззастенчиво наврав Ирине и сиделке, я сказал, что врач разрешил мне присутствовать на балу, при условии, что меня отвезут в Альберт-Холл на санитарной машине. Мои уверения их не убедили, и Ирина позвонила врачу, которого, по счастью, не оказалось дома. Санитарная машина была заказана, и вечером я вошел в Альберт-Холл в сопровождении Ирины, шуринов Федора и Никиты и сиделки; мы все были в домино и черных масках.

Пока составлялись и начинали кружиться в центре зала первые пары, я из ложи, в которой с удобством улегся, с восхищением рассматривал убранство зала, задуманное и сделанное моим другом Белобородовым. Фантазия этого волшебника преобразила почтенный Альберт-Холл в феерический сад. Легкие голубые драпировки скрывали большой орган и изящно обрамляли ложи, обвитые гирляндами чайных роз. Арка из роз украшала сцену, голубые гортензии спускались каскадами по стенам зала. Свет падал сквозь букеты роз, окружавших люстры, увенчанные голубыми страусовыми перьями; лучи, похожие на лунные, направлялись на танцующих.

В полночь бал прервался, уступив место балету. Долгая овация приветствовала появление Анны Павловой, выпорхнувшей, словно Синяя Птица, из пагоды с золоченой крышей в центре сцены. Ее интерпретация «Ночи» Рубинштейна привела зал в неистовство. За «Прекрасным голубым Дунаем», исполненным балетом, последовали русские и восточные танцы. Наконец, Анна Павлова появилась с Александром Волыниным и другими в «Менуэте». Этот «Менуэт», костюмы для которого рисовал Бакст, довел восторг зала до апогея. Потом артисты, награжденные неистовыми аплодисментами и овациями, смешались с публикой, и бал возобновился с новой силой. Люстры, украшенные страусовыми перьями, потухли лишь на заре, с отъездом последних гостей бала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yusupov_feliks/v-izgnanii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)